

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

БЕЗОПАСНОСТЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

Наджи Халифе

Дипломатическая академия МИД России
ул. Остоженка, 53/2, Москва, Россия, 119992

В статье анализируется влияние иранской ядерной программы на геополитическую обстановку на Ближнем Востоке, на отношения между Западом и Ираном. Автор оценивает состояние безопасности в регионе в условиях современной ситуации и в вероятной перспективе.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, ядерная программа, нераспространение, МАГАТЭ, обогащение урана, Совет Безопасности ООН, Персидский залив.

Ближний Восток является одним из регионов мира, обоснованно вызывающих беспокойство мирового сообщества. Здесь на протяжении послевоенных десятилетий сформировался узел проблем, чреватых вооруженными конфликтами, которые разражаются с прискорбной частотой. Прежде всего, это проблема палестино-израильского урегулирования. С ней тесно связана проблема конфронтационности различной степени в отношениях с Израилем и арабскими странами. С весны 2003 г. ситуация в регионе стала еще более напряженной в связи с военной операцией коалиции во главе с США по свержению режима С. Хуссейна в Ираке и «внедрению демократии» в этой стране, причем конца этой операции пока не видно. Эта операция разрушила существовавшее с 1970-х гг. хрупкое равновесие, в основе которого лежала региональная многополярность, когда полосу выступали Иран, Ирак и Саудовская Аравия. Уже давно имеют место разногласия между некоторыми арабскими государствами Персидского залива (который, кстати, сами арабы именуют Арабским) и Исламской Республикой Иран по поводу суверенитета над некоторыми участками территории и акватории.

Наконец, в последние годы конфликтность в регионе дополнительно возросла вследствие резкого роста напряженности в отношениях между западными странами, прежде всего США, а также Израилем, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран — с другой, по поводу иранской ядерной программы. США и их формальные и неформальные союзники упорно настаивают на том, что Иран, прикрываясь своей программой развития мирной ядерной энергетики, в дейст-

вительности стремится к обладанию ядерным оружием. Иран столь же упорно отрицает наличие у программы каких-либо военных аспектов и утверждает, что ни в коей мере не нарушает Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), участником которого он стал одним из первых четыре десятилетия назад. Ввиду появления вероятности того, что США и Израиль уже достаточно откровенно заявляли, что готовы применить вооруженную силу, чтобы не допустить превращения Ирана в ядерную державу, влияние проблемы иранской ядерной программы на обстановку в регионе приобрело особую актуальность.

Как известно, недопущение распространения ядерного оружия — одна из самых приоритетных задач для мирового сообщества, поскольку его распространение создает угрозу, носящую многомерный характер. Во-первых, опыт уже показал, что некоторые страны, пусть официально и являющиеся участниками ДНЯО, способны осуществлять тайные программы, нацеленные на производство ядерного оружия. Эти страны, формально соблюдая положения ДНЯО, фактически стремятся к обретению знаний и технологий, необходимых для производства ядерного оружия, равно как и средств его доставки. Некоторые — по всем признакам — уже приобрели его. Наглядным примером является Израиль, руководители которого, что характерно, уже не первое десятилетие на вопрос о наличии у Израиля такого оружия отвечают: «Без комментариев». Можно вспомнить и ответ премьер-министра Израиля Г. Меир в 1970-е г. на этот вопрос: «Атомной бомбы у нас нет, но, если надо, мы ее применим» [2].

В наихудшем случае такие «пороговые страны» резервируют за собой право выхода из Договора, что уже сделала Корейская Народно-Демократическая Республика. Индии и Пакистану еще проще — они просто не участвуют в ДНЯО.

В итоге, в ближайшие два десятилетия просматривается мрачная перспектива размывания всего режима нераспространения, поскольку уже сейчас примерно 60 стран используют или сооружают ядерные электростанции, ведут ядерные исследования, а около 40 фактически обладают промышленным и научным потенциалом для того, чтобы в случае соответствующего решения своего руководства сравнительно быстро произвести ядерное оружие.

По мере развития технологического прогресса и роста числа государств, обладающих и ядерным энергетическим потенциалом и ядерным оружием, ДНЯО постепенно представляется уже не таким эффективным в плане блокирования данного процесса, каким он выглядел в прошлом. В 1963 г., когда лишь четыре государства обладали ядерным оружием, американские и советские ученые предсказывали, что в пределах десяти лет в мире могут появиться десятки стран, обладающих этим оружием. Некоторые эксперты называли цифру 50. Однако, к счастью, даже спустя сорок лет ядерным оружием официально стали обладать лишь 8 государств [10].

Впрочем, это «счастье» носит вполне рукотворный характер. Процесс распространения ядерного оружия был в существенной степени замедлен благодаря ДНЯО и усилиям Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), обеспечившим международно-правовой запрет на приобретение ядерного оружия новыми государствами, одновременно допуская проведение под международным

контролем мирных ядерных исследований любым государством. Но проблема заключается не столько в количестве государств с ядерным оружием, сколько в растущей качественной сложности проблемы ядерной безопасности.

Наибольшую обеспокоенность вызывают не столько «традиционные» ядерные державы, продемонстрировавшие за прошедшие десятилетия способность к сдержанности и умению вовремя останавливаться у опасной черты (Карибский ракетный кризис 1962 г.), сколько «новички», которые стремятся вступить в ядерный клуб. Наряду с Корейской Народно-Демократической Республикой одним из наиболее наглядных примеров этому является Исламская Республика Иран. Лидеры Ирана утверждают, что их деятельность в ядерной области «прозрачна» для международного контроля со стороны МАГАТЭ, но, по мнению МАГАТЭ, в действительности это не вполне так.

В самом начале ядерная программа Ирана стала осуществляться в 1950-е гг. при содействии США в рамках программы «Атомы для мира» (Atoms for Peace) [37]. В 1967 г. был создан Тегеранский центр ядерных исследований (Tehran Nuclear Research Center). Его работой руководила Организация атомной энергии Ирана (Atomic Energy Organization of Iran). Центр был оснащен поставленным из США 5-мегаваттным ядерным исследовательским реактором, который вступил в строй в 1967 г. В качестве топлива использовался уран высокой степени обогащения [15]. Год спустя Иран присоединился к ДНЯО и уже в 1974 г. подписал с МАГАТЭ соглашение о гарантиях применительно ко всей проводимой на его территории мирной деятельности в ядерной области [10].

После того, как в 1974 г. Индия провела свои первые так называемые «мирные ядерные испытания», в ответ на которые тогдашний пакистанский премьер З.А. Бхутто заявил, что Пакистан не отстанет в этом отношении от Индии, «даже если народ Пакистана будет вынужден есть траву» [5], СССР и США инициировали переговоры с целью выработки общих правил поставки ядерной технологии и материалов для предотвращения распространения ядерного оружия. Об изменении ситуации говорит и тот факт, что главные ядерные поставщики, включая Францию и Германию, приняли решение сформировать Группу ядерных поставщиков (Group of Nuclear Suppliers) и разработали основополагающие принципы ядерного экспорта. В конечном итоге было достигнуто согласие, что поставщикам следует проявлять «сдержанный» подход при поставках технологий, оборудования и материалов, которые могут быть использованы для производства ядерного оружия. Они договорились оказывать содействие усилиям по осуществлению международного контроля, а также обеспечивать строгие процедуры по переработке любых материалов, пригодных для производства ядерного оружия [10]. На практике это означало, что поставщики могут потребовать возвращения использованного ядерного топлива ради исключения какой-либо возможности производства плутония в стране-импортере.

Действительно, добровольно взятое обязательство насчет «сдержанного» подхода настолько строго соблюдалось поставщиками, что превратилось по сути дела в эмбарго, и это существенно затруднило, в частности, реализацию иранской ядерной программы. Шахское правительство утверждало, что эти новые меры

контроля выходят за рамки требований ДНЯО и тем самым носят дискриминационный характер в отношении Ирана. Вместе с тем в 1970-е гг. некоторые международные эксперты считали, что Ирану потребуется от 15 до 20 лет, чтобы приобрести потенциал для производства ядерного оружия [12]. Однако США и некоторые западные страны продолжали оказывать содействие иранской ядерной программе вплоть до того момента, когда шах был свергнут в результате исламской революции [23].

Реализация иранской ядерной программы всегда в значительной степени зависела и продолжает зависеть от внешних обстоятельств, неподконтрольных иранскому руководству, в частности от мировой экономической ситуации и финансового положения страны. Совершенно очевидно, что без так называемого «арабского нефтяного эмбарго» 1973 г., следствием которого стал скачок нефтяных цен, обогативших целый ряд неарабских государств, таких как Иран, иранские амбиции были бы более скромными. В отличие от Южно-Африканской Республики, которая после краха режима апартеида отказалась от своей «секретной» программы создания ядерного оружия, лидеры исламской республики Иран ничего подобного не сделали.

В 1980-е гг., когда финансовая ситуация зеркально изменилась ввиду того, что цены на нефть резко упали, и Ирану приходилось затрачивать огромные средства и усилия на войну с Ираком, новому руководству страны пришлось подвергнуть свою ядерную программу ревизии и приступить к налаживанию сотрудничества с некоторыми странами — Китаем, Пакистаном и другими, которые, обладая определенным ядерным потенциалом, не соблюдали меры контроля за ядерным экспортом в должной степени строго или даже не были участниками режима ДНЯО. В конце 1980-х гг. началось сотрудничество Ирана с СССР в области мирного использования ядерной энергии, а в марте 1990 г. был подписан первый советско-иранский протокол о строительстве ядерного реактора в Бушере.

Нынешняя национальная ядерная программа Ирана в основном базируется на технологиях, полученных в прошлом, в том числе даже во времена шахского режима. Соответствующее широкомасштабное содействие США и других западных стран Ирану как их ключевому партнеру в регионе в тот период — очень хороший пример недальновидного следования соображениям «геополитической целесообразности», когда задача поддержания добрых отношений с правящим режимом оказалась поставлена выше принципов ядерного нераспространения, строгое следование которым не обещает скорых дивидендов. Следует заметить, что данный пример близорукости не потерял своего значения и сейчас. Режимы меняются, однако полученные ими ядерные технологии, материалы и знания остаются в соответствующей стране и вполне могут попасть в руки нежелательных «правопреемников». Можно также добавить, что в середине 1970-х гг. Советский Союз выдвинул по-настоящему прагматичное предложение вообще запретить любой экспорт ядерных технологий, но тогдашние партнеры Ирана не пошли на это [4].

После исламской революции сотрудничество Ирана с его бывшими западными партнерами прекратилось, и он переориентировался на Индию, Пакистан и Китай. Дополнительно к этому, после крушения СССР, иранские представи-

тели предпринимали попытки получить доступ на постсоветском пространстве к технологиям и материалам, в том числе имеющим отношение к обогащению урана, производству тяжелой воды и строительству реакторов, где таковая применяется. Иран также пытался использовать различные каналы доступа к знаниям и опыту в некоторых высокотехнологичных сферах. В августе 1992 г. было подписано российско-иранское соглашение «Об использовании ядерной энергии в мирных целях», которое незамедлительно подверглось критике на Западе, несмотря на то, что в нем официально указывались меры контроля по предотвращению возможности использования отходов ядерного топлива в военных целях. Ожидалось, что Бушер-I — первая иранская атомная электростанция — вступит в строй в 2009 г. [28]. Ни о каких текущих планах завершения сооружения реактора Бушер-II неизвестно, хотя в целом предполагается строительство 19 атомных электростанций [25]. Иран заявил, что он проводит работы над 360-мегаваттной атомной электростанцией, которая должна размещаться в Дарховине, и указал, что в будущем будет вести работы по сооружению большего числа АЭС средней мощности, а также разработке урановых шахт [26]. Благодаря китайским и пакистанским технологиям Иран вплотную приблизился к созданию серии объектов, связанных с производством ядерного топлива. В начале 2000-х гг. он обнаружил свой план по созданию «закрытого ядерного топливного цикла». Иранские планы предусматривают рост доли АЭС в общенациональном производстве энергии до 10 процентов к 2020 г. [11].

Следует подчеркнуть, что заинтересованность Ирана в военном использовании ядерной энергии — возможная заинтересованность, поскольку он отрицает ее наличие — во многом была подстегнута ядерными испытаниями, проведенными Индией и Пакистаном в 1996 г., а также той ролью, которую придают ядерному оружию традиционные ядерные державы в своих военных доктринах и стратегиях национальной безопасности. Тайное сотрудничество в 1990-е гг. Ирана с Пакистаном, который проигнорировал ДНЯО, и его незадекларированный ядерный импорт из КНР долгое время оставались вне поля зрения МАГАТЭ. Лишь после неоднократных инспекций МАГАТЭ подтвердила, что Иран продвинулся в сфере развития ядерной энергетики гораздо дальше, чем это предполагалось. В Специальном докладе Генерального директора Совета директоров МАГАТЭ в июне 1993 г. отмечалось, что Иран не выполнил свои обязательства перед МАГАТЭ в рамках соглашения о гарантиях безопасности [7]. Однако, несмотря на давление США, МАГАТЭ приняла решение не сообщать Совету Безопасности ООН о возможном нарушении и предоставить Ирану некоторое время для исправления возможных ошибок. Инспекции МАГАТЭ сыграли важную роль в получении информации об иранских ядерных исследованиях, но при этом иранские власти не предоставили инспекторам возможности доступа к закрытым объектам и к полной информации о ядерных исследованиях, проводившихся ранее без уведомления МАГАТЭ.

Что касается нынешнего международного сотрудничества Ирана, в частности, с Россией, то осуществляются лишь те проекты, которые не имеют отношения к «критическим» ядерным материалам. Иранская сторона не получает ни техно-

логию обогащения урана, ни технологию регенерации плутония. Российско-иранское сотрудничество ведется строго в соответствии со всеми требованиями национального законодательства и обязательствами России по ДНЯО. Однако МАГАТЭ после публичных обвинений насчет того, что ранее Иран все же занимался работами в ядерной области, о которых не сообщал, начало расследование, которое завершилось в ноябре 2003 г. Его вывод — Иран систематически не соблюдал свои международные обязательства докладывать МАГАТЭ о такой деятельности. Совет управляющих МАГАТЭ отложил окончательное решение до сентября 2005 г., но 25 сентября принял резолюцию, гласившую, что Иран не соблюдал свои обязательства по соглашению о гарантиях от 15 мая 1974 г. [39]. Соответственно, Совет безопасности ООН потребовал от Ирана приостановить всю свою деятельность по обогащению ядерных материалов [36], а после отказа Ирана, наложил на него санкции.

В обмен на приостановку работ по обогащению Ирану предложили «долгосрочную всеобъемлющую программу, которая сделала бы возможным развитие отношений и сотрудничество с Ираном на основе взаимного уважения и установление международного доверия к исключительно мирному характеру ядерной программы Ирана» [38]. В мае 2009 г. в докладе Конгресса США было сказано, что «Соединенные Штаты, а позднее европейцы утверждали, что обман со стороны Ирана означает, что он должен отказаться от своего права по обогащению, и данная позиция скорее всего должна стать предметом переговоров с Ираном» [27]. В ответ иранский президент Махмуд Ахмадинежад заявил, что санкции, установленные «высокомерными державами», являются «незаконными» и что Иран решил проводить мониторинг своей программы «по должному правовому пути», т.е. через МАГАТЭ [34]. Иран последовательно отказывался прекратить программу по обогащению, утверждая, что она необходима для его энергетической безопасности, что предложенные ему «долгосрочные договоренности» ненадежны по сути и лишают страну ее неотъемлемого права на мирную ядерную технологию. Иранская позиция подкрепляется тем фактом, что в настоящее время тринадцать государств обладают действующими объектами по обогащению или переработке ядерных материалов [22], а семь других демонстрируют интерес к реализации своих собственных программ по обогащению. Позицию Ирана поддержало Движение неприсоединения, выразившее озабоченность по поводу возможной монополизации производства ядерного топлива [30].

Чтобы подать свою позицию как более конструктивную и снять опасения, Иран также предложил установить дополнительные ограничения на свою программу по обогащению. В частности, предложил ратификацию Дополнительного протокола, что сделало бы возможными более тщательные инспекции предприятия по обогащению урана в Натанзе в качестве многонационального топливного центра с участием иностранных представителей, а также отказ от переработки плутония и незамедлительную переработку всего обогащенного урана в реакторные топливные стержни [42].

В июле 2006 г. СБ ООН принял резолюцию 1696, предусматривавшую его готовность принять меры согласно статье 41 главы VII Устава ООН (угроза меж-

дународной безопасности), если Иран будет продолжать не соблюдать его, а также требование МАГАТЭ прекратить обогащение урана [41]. Ввиду фактического отказа Ирана делать это СБ ООН 23 декабря 2006 г. принял решение о введении санкций против Ирана [40]. Резолюция 1737 запретила поставки Ирану технологий и оборудования, которые могли бы использоваться для обогащения урана и химической переработки отходов ядерного топлива. Она также предусмотрела замораживание счетов иранских компаний, замеченных в незаконном приобретении ядерных технологий за рубежом. В ответ 9 апреля 2007 г. Иран объявил, что начал обогащение урана на 3000 центрифугах, предположительно в Натанзе. «Для меня огромная честь объявить, что сегодня наша дорогая страна вступила в клуб ядерных наций и может производить ядерное топливо в промышленных масштабах», — заявил М. Ахмадинежад [24].

26 мая 2008 г. МАГАТЭ опубликовала очередной доклад о реализации гарантий в Иране [20]. В докладе говорилось, что заявленные запасы ядерных материалов в Иране используются только по назначению и что Иран предоставил МАГАТЭ доступ к этим материалам и отчетности согласно соглашению о гарантиях. Иран установил несколько новых центрифуг, включая более совершенные. Пробы окружающей среды показали, что центрифуги «продолжают работать так, как заявлено», производя низкообогащенный уран. В докладе также отмечалось, что остальные элементы иранской ядерной программы также остаются предметом мониторинга и гарантий МАГАТЭ, в том числе сооружение завода по производству тяжелой воды в Араке, создание и использование элементов для Тегеранского исследовательского реактора, работы по конверсии урана и российские поставки ядерного топлива для реактора в Бушере. Таким образом, основным камнем преткновения стало то, что Иран не декларировал МАГАТЭ о своей деятельности по обогащению и переработке [21]. Обогащение можно использовать для производства урана в качестве топлива для реакторов или (при более высокой степени обогащения) для оружия [16]. Иран заявляет, что его ядерная программа носит мирный характер и что степень обогащения урана составляет менее 5 процентов, что соответствует топливу для гражданских АЭС [14].

В октябре 2009 г. США, Франция и Россия предложили проект в рамках ООН для иранской ядерной программы в попытке найти компромисс между заявленной Ираном потребностью в ядерной энергетике и международными опасениями о создании иранского ядерного оружия. Немного помедлив, 29 октября М. Ахмадинежад выразил готовность сотрудничать. «Мы приветствуем обмен топливом, ядерное сотрудничество, строительство электростанций и реакторов и готовы сотрудничать», — заявил он в прямом эфире государственного телевидения [17]. Однако он добавил, что Иран не отступит «ни на йоту» от своего права на суверенную ядерную программу [18].

В ноябре 2009 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, критикующую Иран за игнорирование запрета СБ ООН на обогащение урана, осуждающую Иран за тайное строительство предприятия по обогащению урана и требующую немедленного прекращения дальнейшего строительства. В ней отмечалось, что гендиректор МАГАТЭ не смог подтвердить, что иранская ядерная программа

нацелена исключительно на мирные цели, и выражалась «серьезная озабоченность» тем, что упорное препятствование Ираном проверкам МАГАТЭ означает, что нельзя исключать «возможность возникновения военных измерений ядерной программы Ирана» [32]. Однако большинство экспертов сейчас сходятся на том, что невозможно утверждать с полной уверенностью, что Иран скоро станет производить ядерное оружие. Более того, очень мало кто из специалистов считает, что Иран намерен делать это. Подозрения вызывают прежде всего попытки Ирана скрывать от МАГАТЭ и, тем самым, от мирового сообщества свои потенциальные ядерные возможности, которые формально не запрещаются ДНЯО.

Имеют место также относительно обоснованные опасения, что Иран создает для себя такой потенциал и накапливает урановые материалы, а также плутоний до той поры, когда он выйдет из системы гарантий МАГАТЭ и из ДНЯО и обретет способность довольно быстро создать ядерное оружие. Следует отметить, что ряд стран — участниц МАГАТЭ, не обладающих ядерным оружием, такие как Япония, Германия, Бразилия и некоторые другие имеют предприятия по обогащению урана и другие необходимые для создания ядерного оружия компоненты, однако никто не подозревает их в намерении создать ядерное оружие и не оказывает на них соответствующее давление. Например, еще в начале 1980-х гг. утверждалось, что Япония при желании могла бы создать ядерное оружие в пределах нескольких месяцев. Это означает, что подозрения и страхи, в основном со стороны тех стран, которых Иран неоднократно называл своими врагами, вызывает не сама по себе иранская ядерная программа, а правящий в Иране режим и его намерения, в частности отрицание самого права Израиля на существование, во всяком случае, на Ближнем Востоке. А «позитивность» и «негативность» отношений между странами — это гораздо менее определенная область, и она, в отличие от гарантий нераспространения, пока что не регулируется международным правом. Международное право не может и, совершенно очевидно, не должно никому «навязывать дружбу».

Россия и Китай не были озабочены в той же мере как Израиль и США иранской ядерной программой, при условии ее сохранения под строгим контролем МАГАТЭ. Россия, например, не считала, что МАГАТЭ стоило передавать этот вопрос в СЧБ ООН для введения санкций или, тем более, применения силы. Однако к началу 2010 г. начало складываться впечатление, что российская позиция стала модифицироваться. В конце января 2010 г. госсекретарь США Х. Клинтон провела серию встреч с европейскими лидерами, стремясь добиться поддержки новых мер в отношении Ирана. Великобритания, Франция и Германия поддержали идею новых, более строгих санкций, российская сторона, по некоторым сведениям, возражений не высказала. Лишь Китай, импортирующий нефть из Ирана и сделавший крупные инвестиции в иранский нефтегазовый комплекс, в ответ на предупреждение Х. Клинтон, что в случае отказа поддержать новые антииранские санкции он может оказаться в дипломатической изоляции и небезопасном экономическом положении, заявил, что он по-прежнему выступает за переговоры с Ираном. Х. Клинтон публично призвала Китай подумать о «долгосрочных последствиях», заметив, что вооружение Ирана ядерным оружием создаст риск гонки вооружений в Персидском заливе и спровоцирует военный удар Израиля [33].

За две недели до этого начальник Центрального командования Вооруженных Сил США генерал Д. Петреус заявил, что Пентагон имеет готовый план действий на случай провала переговоров с Исламской Республикой Иран по ядерной проблеме. Причем, по его словам, несмотря на все усилия иранских военных, ядерные объекты этой страны остаются уязвимыми для атаки. По его словам, несмотря на то, что иранские ядерные объекты хорошо защищены, по ним может быть нанесен успешный удар с воздуха, причем «эффективность удара будет зависеть от того, кто его нанесет, какими боеприпасами и какие силы будут задействованы» [9]. Пентагон уже оказывает содействие ряду арабских государств Персидского залива в укреплении их систем ПРО на базе ракет «Пэтриот». 10 марта 2010 г. Президент США Б. Обама продлил на год односторонние экономические санкции против Ирана, указав в уведомлении, направленном в Конгресс, что действия властей Тегерана по-прежнему представляют «чрезвычайную угрозу национальной безопасности, внешней политике и экономике США». Санкции, введенные при администрации Билла Клинтона 15 марта 1995 года, запрещают американским компаниям проводить практически все финансово-экономические операции с Тегераном, в том числе участвовать в разработке нефтегазовых месторождений. Каждый год действие этих мер возобновлялось. В настоящее время экспортировать в Иран разрешается лишь продукцию сельского хозяйства и медицинские препараты и импортировать оттуда икру, фисташковые орехи и ковры. США фактически предъявили Ирану ультиматум — принять предложения о передаче урана на хранение и дообогащение за рубеж до конца года или подвергнуться новым карательным мерам. Ранее, в феврале 2010 г., Б. Обама объявил о разработке «режима далеко идущих санкций» против Ирана, что призвано стать единым ответом мирового сообщества на решение Ирана начать процесс производства урана с уровнем обогащения до 20%, свидетельствующее, с точки зрения США и их союзников, об отказе Тегерана вести диалог [19]. 4 марта 2010 г. госсекретарь США Х. Клинтон заявила о том, что Иран начнет вести переговоры относительно спорной ядерной программы только после наложения санкций. Первым шагом со стороны США в наложении санкций на Тегеран станет обращение в Совет Безопасности ООН с соответствующим запросом, сообщил советник президента США по вопросам национальной безопасности генерал Джеймс Джонс. Однако он не исключил, что за этим могут последовать и дальнейшие шаги, например, формирование коалиции государств вне Совбеза, которые согласятся на более жесткие меры.

Возможно, принимая во внимание это утверждение, колебавшиеся члены СБ ООН в конечном счете согласились с тем, что какие-то санкции, не приводящие к страданиям населения ИРИ, нужно принять, что и было сделано 9 июня 2010 г. Переговоры по новому пакету санкций велись почти год, однако эксперты сомневаются в том, что действия СБ ООН заставят Тегеран изменить свое поведение. Резолюция СБ 1929 (2010) была принята 12 голосами «за», включая пятерых постоянных членов Совета Безопасности. При этом Россия сохранила право поставки Ирану зенитно-ракетных комплексов С-300, хотя США утверждают, что достигли компромисса с Россией по этому вопросу. Новые санкции запретили

поставки Ирану некоторых видов вооружений. Резолюция дает возможность вводить адресные санкции в отношении сорока иранских государственных деятелей и структур, имеющих отношение к ядерной программе. Государства мира также получили право блокировать финансовые транзакции, связанные с иранской ядерной программой. Они могут не выдавать лицензий на деятельность на своей территории иранских банков, связанных с ядерной программой. Вводится режим инспекций подозрительных грузов. Ирану также запрещено участвовать в предприятиях, ведущих добычу урана в иных странах мира. Однако ограничения на поставку нефтепродуктов в Иран, чего добивались США, включить в резолюцию не удалось [8].

Резолюция де-факто не вводит жестких временных ограничений. Статья 36 гласит, что гендиректор МАГАТЭ обязан сообщить в течение 90 дней о том, как Иран выполняет требования, изложенные в этой резолюции, а ст. 29 говорит о создании группы экспертов на «начальный период в один год», которые обязаны докладывать о выполнении резолюции и предлагать рекомендации СБ ООН, который не сможет предпринять новых шагов до тех пор, пока гендиректор МАГАТЭ не подготовит свой доклад, а панель экспертов не создаст финальный документ и не выработает рекомендации. По мнению многих экспертов, новая резолюция вряд ли позволит серьезно изменить ситуацию.

Сотрудник Института Дж. Буша, бывший одним из основателей Корпуса стражей Исламской революции и занимавший одно время пост премьер-министра Ирана, заявил в этой связи: «Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад и Верховный духовный лидер аятолла Хаменеи неоднократно повторяли, что даже если будут введены санкции, они не сдадутся. Я думаю, что в краткосрочной перспективе Тегеран не остановит свою ядерную программу» [3].

Департамент информации и печати МИД России прокомментировал принятие резолюции следующим образом: «Все меры, прописанные в резолюции, принимаются по статье 41 Главы VII Устава ООН, исключая возможность применения силы. Ссылка на эту статью в преамбуле резолюции подкреплена четкой констатацией: ничто в тексте резолюции не дает оснований для принятия мер или действий, выходящих за рамки резолюции, включая использование силы или угрозу силой... В процессе работы над резолюцией... удалось не допустить появления в тексте формулировок, которые бы вели к применению против Ирана «удушающих» или «парализующих» мер воздействия. В результате все предусмотренные резолюцией санкции сфокусированы на решении задач нераспространения в контексте иранской ядерной программы... Главный смысл принятого Советом Безопасности ООН решения — побудить иранскую сторону к сотрудничеству, добиться выполнения известных требований, сформулированных, в том числе, по линии МАГАТЭ. Понятно, что сами по себе санкции вряд ли способны решить проблемы, связанные с иранской ядерной программой. Цель наших усилий в том, чтобы дать толчок политико-дипломатическому урегулированию ситуации, которое позволило бы снять озабоченности международного сообщества в отношении иранской ядерной программы и подтвердить ее исключительно мирный характер при строгом соблюдении законных прав Ирана на мирное использование атомной энергии».

При этом в заявлении подчеркнуто, что Россия не может «оставить без внимания доходящие до нас сигналы о намерении некоторых партнеров чуть ли не сразу после решения в Нью-Йорке перейти к рассмотрению дополнительных, более жестких, нежели предусмотренные резолюцией СБ ООН, мер воздействия на Иран. Расцениваем это как проявление курса, идущего вразрез с принципами совместной работы в «шестерке» и формате СБ ООН. Для нас неприемлемы попытки таким образом ставить себя «выше» Совета Безопасности. Категорически отвергаем и национальные решения, касающиеся введения «экстерриториальных санкций», т.е. ограничительных мер по собственному законодательству в отношении физических и юридических лиц третьих стран. Подобные решения, если под них попадут российские юридические и физические лица, чреватые принятием нами ответных мер» [6].

Обсуждавшиеся в США планы нанесения превентивного удара по иранским ядерным объектам на время оказались приглушены. Но, как представляется, это время не будет долгим. Тем временем, некоторые американские исследователи уже нарисовали апокалиптическую картину. Так, исследователи вашингтонского Центра стратегических и международных исследований пишут: «В плане региональной безопасности неопределенность с иранской ядерной программой может оказаться достаточной, чтобы подтолкнуть Саудовскую Аравию и Турцию к тому, чтобы стать ядерными державами, а Израиль — к созданию в какой-то форме ядерного потенциала морского базирования ради усиления выживаемости его ядерного потенциала при одновременном увеличении дальности и мощности своего оружия с тем, чтобы нанести удар по Ирану... Успешное развертывание эффективных иранских сил и экзистенциальная уязвимость Израиля наверняка подтолкнула бы Израиль к созданию потенциала ответного удара для уничтожения иранских городов и большинства населения Ирана ... при этом удар наносился бы поверх арабских территорий, США нацелили бы свои ядерные силы на Иран в плане сдерживания на долгий период, а угрозы напряженности между суннитами и шиитами и, более широко, в региональном масштабе еще более бы возросла» [13]. О цепной реакции подобного рода пишет и видный российский ученый Е.П. Бажанов: «Израиль... спит и видит, как бы остановить ядерные приготовления Тегерана. Очевидно и то, что превращение Ирана в ядерную державу вдохновит других включиться в ядерную гонку, и кончится все тем, что соседи по турбулентному Ближнему Востоку начнут швыряться друг в друга атомными бомбами» [1].

Станет ли Иран державой с ядерным оружием? По мнению весьма информированных арабских исследователей, в краткосрочном плане такие превентивные бомбардировки могли бы «затормозить реализацию иранской программы и позволить выиграть время для того, чтобы сменить режим. В долгосрочном же плане такие бомбардировки стали бы, скорее всего, контрпродуктивными применительно к обеим этим целям — например, именно после бомбардировки реактора в Озиреке С. Хуссейн смог мобилизовать ресурсы под развитие всеобъемлющей ядерной программы» [29]. И к тому же, само собой разумеется, такая акция сделала бы иранское население во много раз более антиамериканским, антиизраильским и антизападным, нежели оно кажется таковым сейчас. Лучшего способа сплотить на-

цию вокруг ее нынешних лидеров не существует. Неслучайно даже проживающие на Западе иранские эмигранты-эксперты, крайне негативно относящиеся к иранским правителям, также призывают к тому, чтобы делать ставку не на ракетно-бомбовые удары, а на оппозиционные силы внутри страны [31].

Политика в отношении Ирана должна быть одновременно осторожной и принципиальной. Опыт того, как Иран добывал соответствующие технологии не только в Пакистане, но и в ряде стран Европы также подчеркивает необходимость скоординированных совместных мер со стороны государств-поставщиков по усилению контроля над экспортом технологии двойного назначения. Опыт применения экономических санкций, в частности, в отношении Ирака, показал, что очень часто их эффективность преувеличивается. Если же они не выверены тщательно в плане своего целевого назначения, являются, по выражению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, «калечащими», причиняют страдания широким слоям населения, включая детей и больных, то оказываются контрпродуктивными — аналогично «неизбирательному» и «избыточному» применению вооруженной силы, в котором западные представители нередко упрекают другие страны.

Наконец, следовало бы напомнить, что, например, вся мощь советских ядерных мегатонн и бесчисленных ракет всевозможной дальности на земле, под землей, на борту стратегических бомбардировщиков и подводных лодок в Мировом океане, хотя она и играла свою роль в контексте возможности «гарантированного взаимного уничтожения» [35] в отношениях СССР и США, а также интенсивно воспевавшееся официальной пропагандой «единство партии и народа», в том числе в отношении внешних врагов, оказались, в конечном счете, бессильны разрешить острые социально-экономические проблемы СССР и не смогли предотвратить не только крушение власти, но и развал страны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бажанов Е.* Ужас распространения // Эхо планеты. — 2010. — № 10. — С. 12.
- [2] *Гельман З.* На пороге «ядерного клуба». Израиль готов к созданию атомной бомбы // Российская газета. — 23 января 2007 г. — <http://www.rg.ru/2007/01/23/izrail-bomba.html>
- [3] *Григорьев А.* Иранские санкции. Четвертая попытка // Русская служба «Голоса Америки». 9 июня 2010 г. — <http://www1.voanews.com/russian/news/Analysis-and-perspectives/Iran-Sanctions-Update-2010-06-09-95979604.html>
- [4] *Гришаева Л.* Иранская ядерная программа, Россия и ООН // Дипломатическая служба. — 2009. — № 6.
- [5] *Джилл С.С.* Династия Ганди. — <http://www.fayth.org/ocr/foreignaffairs/jill32.html>
- [6] Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с принятием 9 июня Советом Безопасности ООН резолюции по Ирану // Сайт Министерства иностранных дел России — <http://www.mid.ru/nsrasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325773d005dd847?OpenDocument>
- [7] Осуществление соглашения о гарантиях в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в Исламской Республике Иран. Доклад Генерального директора МАГАТЭ Совету управляющих. Публикации / Документы ООН. 2003.
- [8] Резолюция 1929 (2010) // www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc3257745003b9ee/FILE/RES1929

- [9] Сурков Н. Пентагон заговорил об ударе по Ирану. Ядерные объекты остаются уязвимыми для атаки // Независимая газета, 12 января 2010 г.
- [10] A More Secure World: Our Shared Responsibility. Report of the High-Level Panel on Threats, Challenges and Change. United Nations, 2004. UN Doc. A/59/565, p. 39 — <http://www.un.org/secureworld/report.pdf>
- [11] At the nuclear threshold. Lessons of nuclear crises of the North Korea and Iran for the non-proliferation regime. — Moscow, 2007. p.46.
- [12] Clarity J. Teheran Denies Plans to Use Atom Plant for Nuclear Arms // New York Times. 1976. May 29.
- [13] Cordesman A. and Kleiber M. Iran's Military Forces and War-Fighting Capabilities. Published in cooperation with the Center for Strategic and International Studies, Washington., D.C. Westport. — London, Praeger security International, 2007. — P. 215.
- [14] Council on Foreign Relations: Iran's Nuclear Program. Cfr.org — <http://www.cfr.org/publication/16811/>
- [15] Foreign Research Reactor Spent Nuclear Fuel Acceptance». U.S. National Nuclear Security Administration. <http://www.nnsa.doe.gov/na-20/frsnf.shtml>
- [16] HEU as weapons material — a technical background» (PDF) — http://www.nti.org/e_research/official_docs/norway/HEU_as_Weapons_Material.pdf
- [17] <http://english.aljazeera.net/news/middleeast/2009/10/2009102984633409448.html>
- [18] <http://www.reuters.com/article/newsOne/idUSLT25626120091029?pageNumber=1&virtualBrandChannel=11621>
- [19] <http://www.rosbalt.ru/2010/03/11/719196.html>
- [20] <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2008/gov2008-15.pdf>
- [21] Implementation of the NPT safeguards agreement in the Islamic Republic of Iran. IAEA GOV/2003/40 — <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2003/gov2003-40.pdf>
- [22] Integrated Nuclear Fuel Cycle Information Systems (iNFCIS). 2008 — <http://www.nfcis.iaea.org>
- [23] Iran Affairs: Blasts from the Past: Western Support for Iran's Nuclear program. 2008. — http://www.iranaffairs.com/iran_affairs/2006/05/blasts_from_the.html
- [24] Iran Asserts Expansion Of Nuclear Operation — [washingtonpost.com](http://www.washingtonpost.com)». 2008 — <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/04/09/AR2007040900290.html>
- [25] Iran Plans 19 Nuclear Power Plants. FOX News. December 24, 2007. — <http://www.foxnews.com/story/0,2933,318198,00.html>
- [26] Iran sees Bushehr plant at full capacity in one year. AFP — <http://afp.google.com/article/ALEqM5iCbR-4ck0a5j2K7hOmNsaHH-OPmg>
- [27] Iran: where are we today. A report by the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Eleventh Congress, May 4, 2009. Fas.org — http://www.fas.org/irp/congress/2009_rpt/iran.html
- [28] Iranian specialists ready to launch Bushehr nuclear power plant. ITAR-TASS. 2008-10-14. — <http://www.itar-tass.com/eng/level2.html?NewsID=13171634>
- [29] Iran's Nuclear Program. Realities and Repercussions. The Emirates Center for Strategic Studies and Research. Abu Dhabi, ECSSR, 2006. p. 117.
- [30] IRNA: NAM issues statement in support of Iran nuclear case. Globalsecurity.org — <http://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/iran/2006/iran-060917-irna02.htm>
- [31] Jafarzadeh Alireza. The Iran Threat. New York, Palgrave MacMillan, 2007.
- [32] Jahn George. Nuclear agency comes down on Iran // Associated Press via The Raleigh News & Observer. November 28, 2009.
- [33] Landler M. Clinton urges China to agree to sanctions against Iran // The New York Time, January 30, 2010. — http://www.denverpost.com/cj_14298009?source=rss
- [34] MSNBC: Ahmadinejad: Iran's nuclear issue is 'closed' (09/25/2007)». MSNBC. — <http://www.msnbc.msn.com/id/20969975>

- [35] Mutual Assured Destruction — MAD (по иронии судьбы, при сокращении этот термин по-английски означает «безумный»).
- [36] ODS Team. «Resolution 1696 (2006)». Daccessdds.un.org — <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/450/22/PDF/N0645022.pdf>
- [37] Roe S. (January 28, 2007). An atomic threat made in America. Chicago Tribune. <http://www.chicagotribune.com/news/nationworld/chi-061209atoms-day1-story,0,2034260.htmlstory>
- [38] Security council demands Iran suspend uranium enrichment by August 31, or face possible economic, diplomatic sanctions. 2008. — <http://www.un.org/News/Press/docs/2006/sc8792.doc.htm>
- [39] UN Publications/Documents. 2005.
- [40] UN Org./News Center. 2006.
- [41] UN Org./News/Press/Doc. 2006.
- [42] We Do Not Have a Nuclear Weapons Program, Javad Zarif. The New York Times, April 6, 2006.

MIDDLE EAST SECURITY AND IRANIAN NUCLEAR PROGRAM

Nadji Haliffe

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Diplomatic Academy
Ostozhenka str., 53/2, Moscow, Russia, 119992

The article analyzes the influence of the Iranian nuclear program on the geopolitical situation in the Middle East as well as on the relations between the West and Iran. The author examines the security level in the region at present and the probable future.

Key words: Middle East, Iran, nuclear program, non-proliferation, IAEA, uranium enrichment, UN Security Council, Persian Gulf.